

Н. Л. Васильев

Лингвистическое содержание книги П. Н. Медведева «Формальный метод в литературоведении» в контексте коллективного творчества «бахтинского круга»

Лингвистические идеи «бахтинского круга» в последние годы становятся предметом все более пристального внимания российских и зарубежных ученых¹. Прежде всего это касается книги В. Н. Волошинова «Марксизм и философия языка» (1929; 1930), незавершенной работы М. М. Бахтина «Проблема речевых жанров» (1953—1954) и раздела о металингвистике в его монографии «Проблемы поэтики Достоевского» (1963). На фоне этого в тени остается книга П. Н. Медведева «Формальный метод в литературоведении» (1928), рассматривавшаяся ранее исключительно с литературоведческой точки зрения. Между тем именно она открывала серию фундаментальных филологических трудов конца 1920-х гг., вышедших из «бахтинского круга», и естественно предположить, что в ней отразились контуры складывавшейся «общей концепции языка и речевого произведения» философа М. М. Бахтина², лингвиста В. Н. Волошинова и литературоведа П. Н. Медведева.

Исследование П. Н. Медведева (далее ФМЛ)³ было опубликовано незадолго до появления книги В. Н. Волошинова (далее МФЯ), в той же серии монографий Института сравнительной истории литератур и языков Запада и Востока (ИЛЯЗВ) при Ленинградском университете⁴, и содержало в зародыше корпус еще не вполне развернутых филологических идей «бахтинского круга»⁵.

Судя по «Плану и некоторым руководящим мыслям работы “Марксизм и философия языка” <...>» (май 1928 г.),

заявленная В. Н. Волошиновым полемика с западноевропейской и отечественной лингвистикой первоначально смыкалась с критическим анализом русского формализма как одного из влиятельных направлений в изучении художественного слова: «Часть первая. <...> Глава IV. Философия языка и проблемы поэтики. 2. Формальный метод и борьба с ним»; «4. Кроме этих чисто положительных задач, связанных с философией языка, перед марксизмом стоят и очень важные полемические задачи. Нужно сказать откровенно, что борьба марксизма с формальным методом до сих пор была не слишком успешной. Здесь сказалось именно отсутствие проработанного марксистского подхода к проблемам теории и истории языка. Это лишало возможности подойти к конкретным вопросам, выдвинутым формалистами, и в большинстве случаев заставляло ограничиваться повторением общих мест марксизма. Марксистские основы литературоведения могут быть прочно заложены лишь при условии всесторонней и специальной разработки проблем языка. До этого неизбежно: в теории — провозглашение методологического монизма, а на практике — методологический дуализм: совмещение общесоциологических рассуждений с конкретным формалистическим анализом»; «7. Этому оживлению и обновлению философской и лингвистической мысли предшествовало необычайное обострение интереса к слову, как такому, и изменение функций его в художественном творчестве. Начало этого нового восприятия слова и переоценку его значения нужно искать в символизме. <...> С точки зрения строго исторической “самовитое слово” наших футуристов (В. Хлебников) является лишь поздним эпигонским упрощением и огрублением тех творческих импульсов в переоценке слова, какие были даны Малларме и его кругом. <...> Этот культ слова, как такого, обостренный интерес к его чисто-словесным энергиям и моментам совершенно был чужд реализму, натурализму и импрессионизму <...>. Любовь к слову классиков не была связана с исключительной переоценкой его <...>, с провозглашением его высшею реальностью. В классицизме не было почвы для какого бы то ни было словесного радикализма <...>»; «8. Этот обостренный интерес к слову, как к главному герою мировоззрения, культу слова, — начинается и

у нас с появлением символизма. Здесь сложилась антропософская концепция слова А.Белого, мистический магизм Бальмонта (“Поэзия, как волшебство”), более сдержанный и более научный интерес к слову у Брюсова. Релятивистским разложением и снижением этого символического культа слова явилось “самовитое слово” футуристов, перешедшее в теорию формалистов. В настоящее время интерес к слову идет у нас по двум направлениям. <...> Первое направление, пройдя через футуризм и осложнившись позитивистическими влияниями, исходящими от некоторых направлений западноевропейского искусствоведения и лингвистики, образовало так называемый формальный метод. <...>»; «9. <...> Одновременно с этим отрешением слова от вещи в ее реальном аспекте идет отрешение его от дела, то есть отрыв его от реальных возможностей на почве крайнего словесного демократизма и словесной свободы при полном отсутствии действительной, реальной, политической свободы. Это выражается и в том типичном для символизма, футуризма и экспрессионизма крайнем утопическом радикализме в политических и социальных вопросах <...>»⁶.

Ранее в замыслах В. Н. Волошинова фигурировала и монография «Опыт социологической поэтики», перекликающаяся своим названием с подзаголовком ФМЛ; развернутый план ее первой части («Социология формы») был изложен в волошиновском отчете о научной работе в 1925—1926 гг.⁷ Исследователям еще предстоит тщательный анализ этого небольшого, но проблемно и тематически емкого текста с точки зрения его места в имплицитном и эксплицитном творчестве «бахтинского круга». Предварительно отметим, что в данном двухстраничном наброске аккумулируются многие проблемы, которые затрагивали в своих публикациях П. Н. Медведев, В. Н. Волошинов и М. М. Бахтин.

Следует иметь в виду, что П. Н. Медведев являлся — с некоторыми перерывами — научным сотрудником ИЛЯЗВа (с 7.12.1928 — I разряда)⁸ и, подобно В. Н. Волошинову⁹, опекался председателем Президиума секции литературы ИЛЯЗВа В.А.Десницким¹⁰; следовательно, он был в курсе актуальных филологических идей, обсуждавшихся в стенах института, —

независимо от своего дружеского и профессионального общения с В. Н. Волошиновым. Более того, с 1926 г. П. Н. Медведев руководил в ИЛЯЗВе (в одном случае с В.Ф.Шишмаревым, в другом с И.И.Иоффе) коллективными темами по теории литературы и социологической поэтике, разрабатываемыми при участии В. Н. Волошинова, — органическим следствием чего и стала книга ФМЛ¹¹. Позже, в одном из отчетов П. Н. Медведева о научной работе в РГПИ (10.06.1929) была отмечена подготовка им монографии «Социологическая поэтика. Т. 1 — Тематика»¹², в свою очередь соотносящаяся с указанной выше гипотетической работой В. Н. Волошинова «Опыт социологической поэтики: I. Социология формы».

О том, что лингвофилософские идеи были чрезвычайно популярны и среди литературоведов ИЛЯЗВа, свидетельствует, например, Б. Я. Бухштаб (1904—1985), учившийся с В. Н. Волошиновым в одни годы на этнолого-лингвистическом отделении факультета общественных наук ЛГУ, а позже, как и он, являвшийся аспирантом ИЛЯЗВа (но под руководством Б. М. Эйхенбаума)¹³, — часто ссылающийся в своих записках аспирантских лет и конспектах (в период подготовки диссертации о поэтике В. Хлебникова) на грамматику Пор-Рояля, работы В. Гумбольдта, Б. Кроче, Э. Гуссерля, К. Фосслера, Л. Шпитцера, Э. Кассирера, Ж. Вандриеса, Г. Пауля, А. Марти, В. Вундта, А. А. Потебни, А. А. Шахматова, А. М. Пешковского, Г. Г. Шпета, В. В. Виноградова, Е. Д. Поливанова, И. И. Мещанинова, М. Н. Петерсона, С. И. Бернштейна, Р. О. Шор, Г. К. Данилова, «опоязовцев» и др.; особенно же на «школу Соссюра», включая А. Сеше и Ш. Балли¹⁴. При этом начинающий исследователь размышляет о методологии языкознания, философии языка: «... новая лингвистика противостоит старой по линии “2-й антиномии Гумбольдта” — не коммуникация, но сознание (Энгельгардт). Это относится и к немцам, и к французам. Но немецкая школа Фосслера противостоит школе Соссюра и близким по линии 1-ой антиномии: немецкая школа — язык как деятельность» (6.11. 1927); «Почему шпетовцы — гуссерлианцы, совершенно понятно. Только тогда и можно изучать структуру смысла как объективно существующую структуру, когда установлено

это объективное, самостоятельное существование смысла, независимо от конкретных — исторических, групповых, индивидуальных — психических актов его сознания» (17.01.1928); «Виноградов гов[орит], что Шпету угрожает опасность все принять за слово, за язык при его определении. То же указывает Кассирер относительно Лейбница (что у него всякий сигнал — язык)» (1.04.1928); «Гумбольдтовы антиномии касаются речи в целом. Антиномии, возникающие при осознании отдельного слова, по-видимому, таковы <...>» (23.03.1929); «Разница между гласными и согласными в типе значений — очевидно только из семитических языков. Почему же этот тип структуры так близок Хлебникову (посмотреть по яфетидологическим работам о структуре семитских языков)» (12. 1930)¹⁵; он постулирует роль философии и лингвистики в литературоведческом дискурсе: «Литературоведение может опираться только на ту философию, которая синтезирует 1) философию искусств, 2) философию языка, 3) философию истории. А все эти элементы есть далеко не во всякой системе», «Первая проблема методологии литературоведения очевидно проблема объекта этой науки» (март 1931 г.); «Если символизму близко синтетическое понимание слова, а футуризму аналитическое, то надо попробовать построить аналогию поэтического языка с языками аналитического и синтетического строения» (между мартом и сентябрем 1931)¹⁶. Это косвенно доказывает, что и философская составляющая в ФМЛ, МФЯ вовсе не была навеяна их авторам исключительно общением с М. М. Бахтиным, о чем пишут многие исследователи, — а скорее отражала общегуманитарный тренд в ленинградской филологии тех лет.

Очень часто в записках Б. Я. Бухштаба фигурирует имя В. Н. Волошинова, что ранее не было учтено в работах о восприятии волошиновских идей современниками¹⁷, например: «Как обе проблемы (изоляция слова и морфологизация) связаны в рационалистической философии. Относительно связи первой с рационализмом<, > кажется<, > есть у Волошинова» (14.09.1929); «Не перелогизировать, точно выяснить, к чему ведет Хлебникова последовательный рационализм. Вот и Соссюр — рационалист (см. Волошинова) — по основному признаку “семио-

логического” рассмотрения языка; а он один из решительных противников придания звуку значения» (18.09.1929); «Указав, что антиномии связаны между собой, создавая таким образом возможность двух основных направлений, отталкивающихся одновременно по разным антиномиям, обрисовать это общее направление в пределах настолько широких, чтобы оно охватывало и Соссюра, и Хлебникова, — и затем уже вскрыть разницу между последними и “номенклатурно-сигнальное” понимание языка Хлебниковым. Все это, стараясь быть самостоятельным по отношению к книге Волошинова» (29.09.1929); «Контекст и изоляция — по каким антиномиям? Например, по Волошинову $\epsilon\rho\upsilon\omicron\nu$ — $\epsilon\nu\epsilon\rho\upsilon\epsilon\iota\alpha$, по Энгельгардту: сознание — коммуникация» (3.09.1929?); «Волошинов, сколько помнится, видит различие лингвистики и поэтики в том, что 2-ая относится к слову как к оценке. Непонятно, почему (и по тем же мотивам) лингвистика не должна относиться к слову так же» (март 1931)¹⁸.

Лингвистическая подготовка начинающих литературоведов, как и, наоборот, литературоведческая у лингвистов, всячески поощрялась в стенах ИЛЯЗВа — и вообще вменялась в обязанность аспирантам РАНИОН в качестве важной составляющей их филологического фундамента¹⁹.

Заметим, что и книга Б. М. Энгельгардта «Формальный метод в истории литературы» (Л., 1927), полемизирующая с ОПОЯЗ’ом, также содержала экскурсы в область «высказывания с установкой на выражение» (Р. О. Якобсон), «коммуникативной лингвистики», гумбольдтианства и т. д.²⁰ Интересно, что, работая в том же ИЛЯЗВе, Б. М. Энгельгардт занимался в 1925 г. сугубо лингвистической темой «Проблемы и методы семантики»²¹. На труды этого исследователя, затрагивающие проблематику философии языка, есть ссылка в МФЯ: «О Гумбольдте и его значении для русской лингвистической мысли читатель найдет в книге: Энгельгардт Б. М. А. Н. Веселовский. Пг., 1922»²².

Поэтому не удивительно, что следы лингвофилософских дискуссий 1920-х гг. фигурируют и в ФМЛ, даже если не принимать во внимание возможные обстоятельства написания этой книги, о которых спорят некоторые ученые, усматривая активное участие М. М. Бахтина в творческом тандеме П. Н. Медведева и

В. Н. Волошинова²³...

Те или иные лингвистические замечания встречаются в книге на многих страницах; особенно — в главе «Поэтический язык как предмет поэтики» из III ее части («Формальный метод в поэтике»). Характерны названия некоторых разделов указанной главы, например: «Поэтический язык как особая языковая система», «Поэтический язык и конструкция литературного произведения», «Поэтика и лингвистика», «Итоги методологического анализа проблемы поэтического языка», «Апофатический метод определения особенностей поэтического языка», «Поэтический язык как изнанка языка практического», «Проблема жизненно-практического языка», «Жизненно-практический язык у формалистов», «Современное состояние проблемы поэтического языка у формалистов», «Проблема звука в поэзии» и т. д.

Соответственно в ФМЛ имеются ссылки на работы В. Гумбольдта, К. Фосслера, представителей «женевской школы: Байи и Сешэ», А. А. Потебни, И. А. Бодуэна де Куртенэ, Г. Г. Шпета («Внутренняя форма слова»), Л. В. Щербы, Л. П. Якубинского («О звуках стихотворного языка», «О скоплении одинаковых плавных в практическом и поэтическом языках», «О поэтическом глоссемосочетании»)²⁴, Е. Д. Поливанова («По поводу звуковых жестов японского языка»)²⁵. Ср., например: «Формалисты научились ценить звук в фонетической лаборатории И. А. Бодуэна-де-Куртенэ и Л. В. Щербы. Этот трезвый звук экспериментальной фонетики они противопоставили осмысленному слову как заумный язык поэзии» (с. 69)²⁶. Интересно, что П. Н. Медведев, рассуждая об «истории симфонической формы от Бетховена до Малера», ссылается на статью В. Н. Волошинова «Слово в жизни и слово в поэзии» (1926)²⁷, — чего, кстати говоря, никогда не делал печатно М. М. Бахтин в отношении своих друзей и возможных «соавторов».

В книге прослеживается характерное для «бахтинского круга» стремление критически осмыслить не только обсуждаемый предмет (в данном случае формальный метод), но и провести методологическую ревизию других влиятельных научных парадигм, например: «Аналогичным движением в области филологии является школа Фосслера (*Idealistische Neufilologie*),

пытающаяся приспособить идеалистическую философию к решению конкретных проблем лингвистики и истории языка» (с. 10); «Лингвистика, строя понятие языка и его элементов — синтаксических, морфологических, лексических и иных, — отвлекается от форм организации конкретных высказываний и их социально-идеологических функций. Поэтому язык лингвистики и лингвистические элементы индифферентны к познавательной истине, к поэтической красоте, к политической правоте и т. п. // Такая абстракция совершенно правомерна, необходима и диктуется познавательными и практическими целями самой лингвистики. Без нее не построить понятия языка как системы. Поэтому можно и должно изучать функции языка и его элементов в поэтической конструкции, равно и функции его в различнейших типах жизненных высказываний, ораторских выступлений, научных построений и пр. Это изучение должно опираться на лингвистику, но оно не будет лингвистическим. Руководящие принципы для отбора и оценки лингвистических элементов могут дать только формы и цели соответствующих идеологических образований. Но такое изучение функций языка в поэзии в корне отлично от изучения “поэтического языка” как особой языковой системы» (с. 94—95); «Якубинский, конечно, неправ. <...> Лингвистический анализ какого-нибудь поэтического произведения не обладает никаким критерием для различения поэтически существенного от несущественного. Оставаясь в пределах такого анализа, совершенно нельзя судить, являются ли и в какой мере выделяемые с его помощью лингвистические элементы элементами самой поэтической конструкции»; «Поэтому же совершенно не основательна и попытка Жирмунского строить поэтику как поэтическую лингвистику. <...> В основе этой попытки лежит совершенно не доказанное предположение, что лингвистический элемент языка и конструктивный элемент произведения непременно должны совпадать. Мы полагаем, что они не совпадают и совпадать не могут как явления различных планов» (с. 96)»; «Формалисты, признавая возможность поэтического языка чем-то само собой разумеющимся, совершенно не заметили всех тех методологических трудностей и двусмысленностей, какие заложены в этом понятии. Поэтому

без всякой методологической оглядки они построили теорию поэтического языка как особой языковой системы и пытались даже найти чисто лингвистические законы и признаки поэтического» (с. 96); «Ни о каком жизненно-практическом языке как об особой языковой системе говорить не приходится. Более того, если можно и должно было говорить о функциях языка в поэтической конструкции, то аналогичная задача в применении к жизненно-практической конструкции чрезвычайно осложняется. // Ведь определенно жизненно-практической конструкции не существует. <...> Между отдельными жизненно-практическими конструкциями формальные различия могут быть даже существенней и глубже, чем между научным трактатом и поэтическим произведением. // Необходим тщательный и трудный анализ различных типов речевых выступлений и соответствующих форм высказывания во всех сферах жизненного общения и практики, чтобы можно было говорить о функциях языка в том или ином типе коммуникативной конструкции. При этом придется все время учитывать все социальные особенности общающихся групп и всю конкретную сложность идеологического кругозора — понятий, верований, нравов и пр., и пр., — в пределах которого строится каждое жизненное высказывание. Современная лингвистика только теперь начинает подходить к этим труднейшим вопросам речевого общения в школе Фосслера и в школе философа Бенедетто Кроче» (с. 104).

В проблематике и терминологии ФМЛ есть отдельные параллели с МФЯ, статьей В. Н. Волошинова «О границах поэтики и лингвистики» (1930) и некоторыми бахтинскими трудами²⁸. Так, по мнению В. Л. Махлина, «критика “лингвистической поэтики” здесь совершенно узнаваема: данная точка зрения более основательно развита практически во всех основных литературно-теоретических работах Бахтина (в “Марксизме и философии языка”, в “Слове в романе”, в книге о Достоевском и др.). Методологическая альтернатива лингвистической поэтике — выдвинутое Бахтиным понятие “металингвистики”»²⁹. Не касаясь в данном случае проблемы авторства «спорных текстов», заметим, что в этом комментарии подчеркивается первенство ФМЛ в плане развертывания лингвистических взглядов «бах-

тинского круга».

Сказанное относится и к иным научным идеям П. Н. Медведева, используемым концептам (*высказывание, социальная оценка* и др.). Например: «Но иначе обстоит дело с конкретным высказыванием, хотя бы состоящим из одного слова. Всякое конкретное высказывание — социальный акт. Будучи даже единичным материальным комплексом — звуковым, произносительным, зрительным, высказывание в то же время — часть социальной действительности. Оно организует общение, установленное на ответную реакцию, само на что-то реагирует; оно неразрывно вплетено в событие общения. Его единичная действительность есть уже не действительность физического тела, а действительность исторического явления. Исторически и социально значим не только смысл высказывания, но и самый факт его произнесения, вообще — осуществления здесь и теперь, при данных обстоятельствах, в данный исторический момент, в условиях данной социальной ситуации» (с. 134); «Если мы оторвем высказывание от социального общения, овеществим его, то мы утратим и достигнутое нами органическое единство всех его моментов. Слово, грамматическая форма, предложение и все вообще лингвистические определенности, взятые в отвлечении от конкретного и историчного высказывания, превращаются в технические знаки только возможного, исторически еще не индивидуализованного смысла. Эта органическая связь смысла и знака не может стать словарной, грамматически устойчивой и закрепленной в передающихся тождественных формах, т. е. она не может сама стать знаком или постоянным моментом знака, грамматикализироваться. Эта связь создается, чтобы разрушаться и снова создаваться, но уже в новых формах, в условиях нового высказывания. // Вот эту-то историческую актуальность, объединяющую единичную наличность высказывания с общностью и полнотой его смысла, индивидуализующую и конкретизирующую смысл и осмысляющую звуковую наличность слова здесь и теперь, мы называем социальной оценкой» (с. 135); «Социальная оценка определяет все стороны высказывания, пронизывая его насквозь, но наиболее чистое и типическое свое выражение она находит в экспрессивной интонации» (с. 136); «Даже внутреннее

высказывание (внутренняя речь) — социально; оно ориентировано на какую-то возможную аудиторию, на какой-то возможный ответ, и только в процессе такой ориентировки оно может сложиться и сколько-нибудь оформиться» (с. 140).

В ФМЛ впервые отчетливо выражена полемика «бахтинского круга» с влиятельной в то время лингвофилософской концепцией Г. Г. Шпета³⁰: «Итак, между языком как абстрактной системой возможностей и между конкретною его действительностью посредствует социальная оценка. <...> Эту посредническую роль социальной оценки совершенно не понимают сторонники “внутренней формы”. <...> Отсюда нелепые попытки показать внутреннюю форму в самом слове, в предложении, в периоде, вообще в языковой конструкции, взятой независимо от высказывания и его конкретной исторической ситуации» — с примечанием: «Поучительным примером таких попыток является книга Г. Шпета “Внутренняя форма слова”, М, 1927 г. Стремление внести диалектику и историю не мешает ему все же искать внутреннюю форму в языке и субстанциализовать ее в нем. На идеалистической почве, впрочем, иначе и быть не может» (с. 140). Ср. также в проспекте волошиновского МФЯ: «В настоящее время интерес к слову идет у нас по двум направлениям. <...> Первое направление, пройдя через футуризм и осложнившись позитивистическими влияниями, исходящими от некоторых направлений западноевропейского искусствovedения и лингвистики, образовало так называемый формальный метод. Другое направление, сложившееся под влиянием западноевропейской философской мысли — неокантианской, но главным образом феноменологической (Гуссерль) — нашло свое выражение в философии слова Густава Шпета, его учеников и последователей»; «Социальная оценка формирует самое содержание значения слова, т. е. конкретное определение, которое дает слово своему предмету. Пресловутая “внутренняя форма слова” у большинства апологетов-теоретиков является лишь искаженным и научно-непродуктивным выражением для заложенной в слове социальной оценки»³¹. Соответственно антишпетовская методологическая программа развернута и в самом МФЯ, где фамилия ученого по числу ссылок занимает одно из

первых мест, например: «В русской литературе об оценке, как о *созначении* слова, говорит Г. Шпет. Для него характерно резкое разделение предметного значения и оценивающего созначения, которые он помещает в разные сферы действительности. Такой разрыв между предметным значением и оценкой совершенно недопустим и основан на том, что не замечаются более глубокие функции оценки в речи. Предметное значение формируется оценкой, ведь оценка определяет то, что данное предметное значение вошло в кругозор говорящих — как в ближайший, так и в более широкий социальный кругозор данной социальной группы. <...>»³².

В рассуждениях автора ФМЛ встречаются и эклектические высказывания в духе марризма, расходящиеся со взглядами М. М. Бахтина и даже В. Н. Волошинова³³, например мысль о прямолинейной связи языка и базиса: «Две враждующие социальные группы располагают одним и тем же лингвистическим языковым материалом — абсолютно одинаковым словарем, теми же морфологическими и синтаксическими возможностями и пр. При этих условиях, если различия наших двух социальных групп обусловлены существенными социально-экономическими предпосылками их бытия, одни и те же слова будут интонироваться глубоко различно; в одних и тех же общеграмматических конструкциях они будут вступать между собою в глубоко различные смысловые и стилистические сочетания. Одни и те же слова будут занимать совершенно иное иерархическое место в целом высказывания как конкретного социального акта. // <...> На самом же деле язык создается, формируется и непрерывно становится в границах определенного ценностного кругозора. Поэтому и не могут две существенно различные социальные группы обладать одним и тем же языковым арсеналом» (с. 138). Это может объясняться непосредственным влиянием на П. Н. Медведева как самого Н. Я. Марра, курировавшего в ИЛЯЗВе сферу языкознания, так и промарровского окружения в стенах того же института.

Книга П. Н. Медведева, несомненно, экстраполировала коллективные споры о формальном методе и поэтическом языке в «кругу Бахтина». Но ее автор (заметим, юрист по образованию,

хотя и со студенческой поры интересовавшийся филологией, литературной критикой³⁴), будучи далеким в своих основных научных интересах от лингвистики, отразил картину этих дискуссий, используя самобытный синтез терминологии формальной школы, понятийного аппарата других влиятельных филологических теорий и отчасти собственного «метаязыка» описания существа художественно-речевых явлений. Поэтому наряду с апробированными лингвистическими терминами в ФМЛ встречаются слова, выражения, формулировки, отличающиеся семантической избыточностью, дилетантской неточностью, например: *позитивная* [позитивистская?] *лингвистика*, *жизненно-практический язык*, *история языка неограмматиков*, *французские лингвисты-стилисты*, *поэтическая конструкция*, *поэтическая фонема* и *ее функции*, *синтаксическая интонация*³⁵.

Характерно, что на это сразу же обратил внимание один из самых первых и заинтересованных читателей ФМЛ — В. Н. Волошинов, который в статье «О границах поэтики и лингвистики» тактично, но с академической твердостью духа оспаривает некоторые положения своего коллеги: «<...> В отношении второго фактора — интонационного, может возникнуть тенденция разбить его на две самостоятельные модификации: 1) синтаксическую интонацию и 2) экспрессивную интонацию. Такое деление появляется и у П. Н. Медведева <...>. // Мы полагаем, что такое утверждение не совсем верно. // Прежде всего, в с я к а я и н т о н а ц и я э к с п р е с с и в н а, т. е. является воплощенной в звуковом материале социальной оценкой. // Этим самым рушится предположение о возможности отсутствия “экспрессивной” интонации, так как безоценочной речи вообще в природе не существует. Затем, если говорить о “синтаксической» и н т о н а ц и и, то почему же не говорить о “графической» или “лексической” интонации? // Конечно, мы понимаем мысль П. Н. Медведева. Существует как бы нижний предел экспрессивной интонации, за которым начинается уже иная область грамматики и ее формальных категорий. Но ставить в одном ряду понятия экспрессивной и с и н т а к с и ч е с к о й интонации — *lapsus terminologiae*»³⁶. Данные рассуждения В. Н. Волошинова, безупречные с точки зрения методологии и терминологии

современного языкознания, выявляют не только разницу в лингвистической подготовке представителей «бахтинского круга», но и косвенно доказывают, что ФМЛ и МФЯ, как и цитируемая статья, не могли быть написаны одним автором (по мнению некоторых исследователей, М. М. Бахтиным)³⁷; несмотря на наличие «общей концепции», все участники данного диалога сохраняли свою творческую индивидуальность и суверенность, а в чем-то интеллектуально и соперничали друг с другом³⁸. Ср. также развернутую полемику В. Н. Волошинова в той же статье с ФМЛ по другому поводу: «В последнее время мы имеем указание о влиянии на В. В. Виноградова “женевской школы” в книге П. Н. Медведева “Формальный метод в литературоведении”. // Правда, тот вывод, к которому приходит П. Н. Медведев, утверждая, что влияние французских лингвистов основ формалистической поэтики не определило³⁹, нам представляется не вполне убедительным (здесь имеется ссылка: «В. Н. Волошинов. Марксизм и философия языка. «Прибой», 1929 г., стр. 58 и сл.». — Н. В.). Конечно, если формальный метод ограничить его первым периодом (с 1914 г. по 1918 г. — по отчетливому хронологическому делению П. Медведева), то само собой разумеется, что к серьезному и вполне ответственному лингвистическому мышлению Соссюра, Байи и др. футуристические декларации В. Шкловского никакого отношения не имеют. Это своеобразная, полунаучная, полулитературная конквиста, движимая своими узко-программными, отнюдь не объективно исследовательскими, интересами, только привлекла внимание к тем ценным проблемам, которые не только решить, но даже правильно поставить оказалось не в ее силах. Организованное вторжение в столь заманчивые, еще мало изведенные “формальные области” теоретического литературоведения началось позже благодаря трудам В. В. Виноградова, В. М. Жирмунского и других представителей формального метода (примечание В. Н. Волошинова: «Во избежание недоразумений мы должны подчеркнуть резко полемическую позицию В. В. Виноградова по отношению к “формалистам”. Однако, субъективный пафос дистанции не дает еще права утверждать и объективную отдаленность и независимость»). Беспринципному методологическому авантюризму

они попытались противопоставить более объективную установку исследовательской мысли. В этот момент, как совершенно справедливо отмечает и П. Н. Медведев (ссылка на источник. — Н. В.), и произошло проникновение лингвистического метода в поэтику. Наиболее полно и последовательно провел эту тенденцию В. В. Виноградов»⁴⁰.

Нередко попытки автора ФМЛ теоретизировать выглядят наивно, во всяком случае с точки зрения современной науки (хотя в чем-то перекликаются во времени и пространстве с высказываниями, например, представителей Пражского лингвистического кружка): «Язык, понятый как совокупность или система лингвистических возможностей — фонетических, грамматических, словарных, — менее всего является материалом поэзии. Поэт выбирает не лингвистические формы, а заложенные в них оценки. Все лингвистические характеристики слова получены лишь путем абстракции этой оценки и сами по себе, в своей отвлеченности, не только не могут являться материалом поэзии, но даже примером грамматики. // Привести пример значит произнести условное высказывание; чистая же лингвистическая форма поддается лишь символическому обозначению. Как действительность, она осуществляется лишь в конкретном речевом выступлении, в социальном акте высказывания» (с. 136). Встречаются, на наш взгляд, и ошибочные суждения в ФМЛ, например замечание о преемственности между В. Гумбольдтом и А. А. Потебней по линии анализа поэтического языка: «Самое понятие поэтического языка у формалистов является, конечно, не впервые. Оно было в обиходе и раньше; прежде всего — у Потебни, который и в этом отношении сам является продолжателем традиций Гумбольдта» (с. 93). Своей прямолинейностью эта мысль лишь отдаленно напоминает соответствующие высказывания в МФЯ, например: «Можно сказать, что вся послегумбольдтовская лингвистика до наших дней находится под его определяющим влиянием»; «В русской лингвистической литературе важнейшим представителем первого направления является А. А. Потебня и круг его последователей» — с примечанием: «Его основная философская работа: “Мысль и язык” <...> В основной книге Потебни имеется изложение

идей Гумбольдта»⁴¹.

О том, что ФМЛ интересовал своей проблематикой не только литературоведов, свидетельствует, например, внимание к данной книге известного языковеда акад. Г. В. Степанова, рекомендовавшего своим ученикам параллельное знакомство с работами формалистов и их критиков, прежде всего П. Н. Медведева⁴². Отчасти это объясняется инициированными формализмом спорами о соотносительности поэтики с лингвистикой.

Сделаем выводы. Книга П. Н. Медведева «Формальный метод в литературоведении», несмотря на ее литературоведческую специфику, отразила и некоторые черты лингвофилологической концепции «бахтинского круга», позже развернутые в работах В. Н. Волошинова и М. М. Бахтина. Синтез филологических наук и философии был естествен для многих ученых-гуманитариев 1920-х гг., воспитанных на западноевропейских и отечественных научных традициях. По своей проблематике ФМЛ органичен не только в контексте исследовательских интересов самого П. Н. Медведева, в частности как сотрудника ИЛЯЗВа, но и в плане творческого взаимодействия последнего с В. Н. Волошиновым. Видеть в этой книге исключительное влияние, хотя бы и философское, со стороны М. М. Бахтина, тем более использовать это в качестве аргумента его авторства⁴³, по меньшей мере наивно, — учитывая общий потенциал того интеллектуального «магнитного поля», в котором пребывали и научно выросли в ленинградской академической среде его ближайшие друзья.

Саранск

Мордовский государственный университет

*Николай Леонидович Васильев, доктор филологических наук,
профессор*

¹ См., например: *Васильев Н. Л.* Проблема высказывания (речевых жанров) в лингвистической концепции М. М. Бахтина и ее значение для развития филологических наук // Проблемы научного наследия М. М. Бахтина. — Саранск, 1985. — С. 85—104; Он же. Теория металингвистики в филологической концепции М. М. Бахтина // М. М. Бахтин: Проблемы научного наследия. — Саранск, 1992. — С. 45—52; *Гоготшивили Л. А.* Философия языка М. М. Бахтина и проблема ценностного релятивизма // М. М. Бахтин как философ. — М., 1992. — С. 142—174; *Колесов В. В.* Металингвистика М. М. Бахтина // Рус. язык в школе. — 1995. — № 5. — С. 92—98; *Перлина Н.* Диалог о диалоге: Бахтин — виноград, 1924 — 1965 / Пер. с англ. // Бахтинология: Исследования, переводы, публикации. — СПб., 1995. — С. 155—170; *Lähteenmäki M.* Dialogue, Language and Meaning: Variations on Bakhtinian Themes. — Jyväskylä, 2001; *Киржаева В. П.* Лингвистическая проблематика в книгах, статьях и набросках М. М. Бахтина. Ст. первая: О некоторых параллелях и созвучиях (Соссюр, Фосслер и Шпитцер) // Бахтин в Саранске: документы, материалы, исследования. — Вып. 1. — Саранск, 2002. — С. 36—55; *Lähteenmäki M.* Vološinov and Cassirer: A case of plagiarism? // *Historiographia Linguistica*; XXIX. — 2002. — № 1/2. — P. 121—144; *Faraco C.-A.* Linguagem & Dialogo as idéias lingüísticas do círculo de Bakhtin. — Curitiba, 2003; *Brandist C.* Vološinov's dilemma: on the philosophical roots of the dialogic theory of the utterance // *The Bakhtin Circle: In the Master's absence.* — Manchester; N.Y., 2004. — P. 97—124; *Алматов В. М.* Волошинов, Бахтин и лингвистика. — М., 2005; - [Рец.:] *Алматов В. М.* Волошинов, Бахтин и лингвистика. М., 2005 // Вестн. Российского гуманитарного научного фонда. — 2006. — № 3. — С. 254—259.

² См.: Из переписки М. М. Бахтина с В. В. Кожинным / Публ. Н. А. Панькова // Диалог. Карнавал. Хронотоп. — 2000. — № 3/4. — С. 127—128. О том, что М. М. Бахтин воспринимал себя, особенно в ранний период своей научной деятельности, в первую очередь философом см., например: *Бочаров С. Г.* Об одном разговоре и вокруг него // Новое лит. обозрение. — № 2 (1993). — С. 76.

³ См.: *Медведев П. Н.* Формальный метод в литературоведении: Критическое введение в социологическую поэтику. — Л., 1928.

⁴ Подробнее см.: *Медведев Ю. П.* На пути к созданию социологической поэтики // Диалог. Карнавал. Хронотоп. — 1998. — № 2. — С. 31, 54 (прим. 117).

⁵ О месте этой книги в общем контексте творчества «бахтинского круга» см., например: *Brandist C.* The Bakhtin Circle: Philosophy, Culture and Politics. — London, 2002. — P. 66—74.

⁶ См.: Личное дело В. Н. Волошинова / Публ. Н. А. Панькова // Диалог. Карнавал. Хронотоп. — 1995. — № 2. — С. 81, 86—87, 89—91.

⁷ См.: *Brandist C.* Sociological linguistics in Leningrad: The Institute for the comparative history of the literatures and languages of the West and East (ILJAZV), 1921 — 1933 // Russian Literature. — 2008. — Vol. 63. — № 2/4. — P. 190—192. В указанное время В.Н.Волошинов числился одним из «сверхштатных» научных сотрудников II разряда ИЛЯЗВа, а позже был переведен в категорию «сверхштатных аспирантов» (см.: *Васильев Н. Л.* В. Н. Волошинов: Биограф. очерк // Волошинов В.Н. Философия и социология гуманитарных наук. — СПб., 1995. — С. 11—12).

⁸ См.: *Медведев Ю. П.* «Нас было много на челне...» // Диалог. Карнавал. Хронотоп. — 1992. — № 2. — С. 100, 101; Он же. На пути к созданию социологической поэтики // Там же. — 1998. — № 2. — С. 28—29, 31. Ср.: *The Bakhtin Circle: a timeline // The Bakhtin Circle: In the Master's Absence / Ed. by C. Brandist, D. Shepherd, G. Tihanov.* — Manchester; N.Y., 2004. — P. 265. См. также: ЦГАЛИ СПб., ф. 288 (НИИ сравнительной истории литератур и языков Запада и Востока), оп. 1, ед. хр. 37, л. 53, 54 об.; ед. хр. 40, л. 40; Архив Российского (Ленинградского) государственного педагогического института (далее — РГПИ). Личное дело П. Н. Медведева — № 1076. Л. 3 (выражаю благодарность Д. А. Юнову, предоставившему в 1994 г. в мое распоряжение данную информацию).

⁹ См.: *Васильев Н. Л.* В. Н. Волошинов... С. 12—14; Он же. Личность и творчество В. Н. Волошинова в оценке его современ-

ников // Диалог. Карнавал. Хронотоп. — 2000. — № 2. — С. 36.

¹⁰ В письме в НКВД (22.02.1940) по поводу ареста П. Н. Медведева, к тому времени уже негласно расстрелянного за участие в «антисоветской деятельности», В. А. Десницкий сообщал: «На моих глазах происходила и научно-исследовательская работа П. Н. <...> Его наиболее ценная работа (“Формальный метод в литературоведении”) проведена и выполнена, в значительной мере, с использованием моих указаний и советов» (цит. по: *Медведев Ю. П.* «Нас было много на челне...». С. 94). См. также: *Медведев Ю. П.* На пути к созданию социологической поэтики. — С. 25—26, 29; *Медведев Ю. П., Медведева Д. А.* Творческое наследие П. Н. Медведева в свете диалога с М. М. Бахтиным // Диалог. Карнавал. Хронотоп. — 2001. — № 2. — С. 83. См. также англ. пер: *Medvedev Iurii, Medvedeva Dar'ia.* The scholarly legacy of Pavel Medvedev in the light of his dialogue with Bakhtin // *The Bakhtin Circle: In the Master's absence.* — P. 36.

¹¹ См.: *Медведев Ю. П.* На пути к созданию социологической поэтики. — С. 28; Brandist С. Op. cit. — P. 179.

¹² См.: *Медведев Ю. П.* На пути к созданию социологической поэтики. — С. 31.

¹³ См.: *Эльзон М. Д.* «Вне моды» // Бухштаб Б.Я. Фет и другие: Избр. работы. — СПб., 2000. — С. 6—7.

¹⁴ См.: *Бухштаб Б. Я.* Филологические записи 1927—1931 гг. / Публ. А. Е. Барзаха // Бухштаб Б. Я. Фет и другие. С. 463—517; 518—535 (прим.).

¹⁵ *Бухштаб Б. Я.* Филологические записи. С. 473—474, 476, 477, 482, 513.

¹⁶ Там же. — С. 514, 516.

¹⁷ См.: *Васильев Н. Л.* Личность и творчество В. Н. Волошинова...; Алпатов В. М. Указ. соч.

¹⁸ *Бухштаб Б. Я.* Филологические записи... С. 496, 497, 503, 504, 515.

¹⁹ См. об этом: Справочник аспиранта РАНИОН на 1929/30 год. — М., 1929. — С. 31 — 33; *Васильев Н. Л.* К текстологии книги В.Н.Волошинова «Марксизм и философия языка» // *Proceedings of the XII International Bakhtin Conference (Juväskulä,*

Finland, 18 — 22 July, 2005) / Ed. by M. Lähteenmäki, H. Dufva, S. Leppänen and P. Varis. Juväskylä, 2006 [CD]. С. 53—60; Он же. К научной биографии В. Н. Волошинова и текстологии книги «Марксизм и философия языка» // Невельский сборник. — Вып. 11. — СПб., 2006. — С. 72 — 76.

²⁰ См. об этом: *Барзах А. Е.* Примечания // Бухштаб Б. Я. Фет и другие... С. 522, 525—526.

²¹ См.: *Brandist C.* Op. cit. — P. 175.

²² *Волошинов В. Н.* Философия и социология гуманитарных наук. — С. 261.

²³ Об их соавторской работе по теории музыкального творчества (1924 г.), подготовке хрестоматии по «материалистической мысли» в искусстве, участии в обсуждении книги В. В. Виноградова «О художественной прозе» (1930), обмене публикациями см.: Медведев Ю. П. На пути к созданию социологической поэтики. С. 25, 35; *Медведев Ю. П., Медведева Д. А.* Круг Бахтина как «мыслительный коллектив» // Proceedings of the XII International Bakhtin Conference... С. 25, 29 (то же: Звезда. — 2006. — № 7. — С. 201, 204). О некоторых стилистических параллелях и расхождениях между авторизованными трудами П. Н. Медведева, В. Н. Волошинова и М. М. Бахтина см.: *Васильев Н. Л.* Заметки об авторстве «спорных текстов», вышедших из круга М. М. Бахтина // Невельский сборник. — Вып. 10. — СПб., 2005. — С. 71—80.

²⁴ Напомним, что Л. П. Якубинский являлся одним из ведущих ученых и администраторов ИЛЯЗВа, а позже — директором Государственного института речевой культуры (ГИРК), и творчески тесно контактировал с В. Н. Волошиновым. См., в частности: *Иванова И. С.* Концепция диалога в работах Л. П. Якубинского и В. Н. Волошинова (к вопросу о взаимосвязи) // Язык и речевая деятельность. — [Вып.] 3. — СПб., 2000. — С. 285—304; *Lähteenmäki M., Васильев Н. Л.* Рецепция «нового учения о языке» Н. Я. Марра в работах В. Н. Волошинова: искренность или конъюнктура? // Russian Linguistics. — 2005. — Vol. 29. — № 1. — P. 83, 88. Однако это не помешало П. Н. Медведеву критически рассматривать теоретические построения своего коллеги-лингвиста (см. далее).

²⁵ Имя ученого фигурирует в ФМЛ искаженно: Л. Поливанов. Это отчасти напоминает известный парадокс первого издания МФЯ в отношении гендерного статуса другого известного представителя московской лингвистики 1920-х гг. — Р. О. Шор (см. об этом, в частности: Васильев Н. Л. К текстологии книги В. Н. Волошинова «Марксизм и философия языка». С. 59—60). Недавно мы обнаружили, что ошибочная половая идентификация и даже инициальная обезличенность Р. О. Шор встречалась и в более позднее время — причем в обстоятельствах куда более идеологизированных, что отчасти реабилитирует автора МФЯ: «В 12 часов прибывает делегация Академии наук СССР в составе вице-президента академика В. Л. Комарова, академиков: А. С. Орлова, А. Н. Крылова, <...>, проф. А. А. Бусыгина, Л. Г. Башинджагына, С. Л. Быховского и др., делегации Дома ученых в составе проф. Р. Л. Самойловича, Шора и других, <...>, ВЦК (Всесоюзного центрального комитета. — Н. В.) нового алфавита и др.» (Хроника траурных дней [Отчет о похоронах акад. Н. Я. Марра в Ленинграде, републикованный в посвященном его памяти специальном выпуске основанного им журнала] // Проблемы истории докапиталистических обществ. 1935. № 3/4. С. 258). О том, что речь, вероятно, идет именно о Р. О. Шор свидетельствует перепечатка в том же издании статьи-некролога последней «Академик Марр и его учение о языке» (с. 217—218), оперативно опубликованной через два дня после смерти ученого в газете «Красная звезда» (22.12.1934).

²⁶ Здесь и далее цит. по: *Медведев П. Н.* Формальный метод в литературоведении. — М., 1993 (с указанием страниц в тексте; абзацные отступы отмечаются двумя косыми чертами).

²⁷ Там же. С. 19. В 1921—1923 гг. последний был известен главным образом по своим публикациям о теории музыки, в частности в журнале «Записки Передвижного театра», редактировавшемся П. Н. Медведевым (еще один факт, говорящий о творческом взаимодействии П. Н. Медведева и В. Н. Волошинова). См. также: Васильев Н. Л. В. Н. Волошинов... С. 10, 21.

²⁸ См., в частности: *Медведев Ю. П.* На пути к созданию социологической поэтики. — С. 23.

²⁹ См.: *Махлин В. Л.* Комментарии // Медведев П. Н. Формальный метод в литературоведении (1993). — С. 201.

³⁰ О соотносительности филологических взглядов Г. Г. Шпета и «бахтинского круга» см., в частности, тезисы нашего доклада: G. Chpet et M. Bakhtine: aux sources de la métalangue du «cercle de Bakhtine» / Г. Шпет и М. Бахтин: к истокам метаязыка «бахтинского круга» // Colloque international “Gustave Chpet et son heritage: Aux sources russes du structuralisme et de la sémiotique: Creuset d’influences et intériorisation des marges” (Bordeaux, 21 — 24 novembre 2007). — Bordeaux, 2007. — P. [52].

³¹ См.: Личное дело В. Н. Волошинова — С. 90, 98.

³² Цит. по: *Волошинов В. Н.* Философия и социология гуманитарных наук. — С. 324.

³³ См.: *Lähteenmäki M., Васильев Н. Л.* Указ. соч.

³⁴ См.: *Медведев Ю. П., Медведева Д. А.* Творческое наследие П. Н. Медведева в свете диалога с М. М. Бахтиным. — С. 74—75; *Medvedev Iurii, Medvedeva Dar’ia.* Op. cit. — P. 25—26.

³⁵ См.: *Медведев П. Н.* Указ. соч. — С. 20, 51, 88, 94, 136 и др.

³⁶ Цит. по: Бахтин М. М. (под маской). Фрейдизм. Формальный метод в литературоведении. Марксизм и философия языка. Статьи / Сост. И. В. Пешков. — М., 2000. — С. 512.

³⁷ См. об этом: *Titunik J. R.* Bakhtin and/or Vološinov and/or Medvedev: Dialog and/or Doubletalk // Language and literary theory. — Michigan, 1984. — P. 543; *Медведев Ю. П.* На пути к созданию социологической поэтики. — С. 23. Ср. также сходные наблюдения по поводу проблемно-методологических и метаязыковых расхождений МФЯ с работами М. М. Бахтина: *Васильев Н. Л.* М. М. Бахтин или В. Н. Волошинов? (К вопросу об авторстве книг и статей, приписываемых М. М. Бахтину) // Лит. обозрение. — 1991. — № 9. — С. 38—43.

³⁸ Комментатор волошиновской статьи В. Л. Махлин, сторонник бахтинского авторства «спорных текстов», стремясь нейтрализовать указанное логическое противоречие, полагает, что это была своеобразная акция прикрытия со стороны «бах-

тинского круга», предпринятая с целью создать впечатление о расхождении творческих субъектов — П. Н. Медведева и В. Н. Волошинова, за которыми незримо стоял в качестве демиурга сам М. М. Бахтин: «Примечательный факт как бы полемики между учениками» (С. 596). Если это так, то надо отдать должное сверхизобретательности М. М. Бахтина и его друзей, которые не только опубликовали под фамилиями четырех авторов (включая И. И. Канаева) впечатляющие по масштабности и разноплановости проблем тексты, но и сами же организовали их диалогическую критику...

³⁹ Заметим, что перед этим П. Н. Медведев пишет: «Влияние французской литературоведческой мысли на наш формализм, в особенности влияние французских лингвистов-стилистов, было довольно велико» (с. 61). — Н. В.

⁴⁰ *Бахтин М. М.* (под маской)... С. 489—490.

⁴¹ *Волошинов В. Н.* Философия и социология гуманитарных наук. — С. 261.

⁴² См.: *Медведев Ю. П.* На пути к созданию социологической поэтики. — С. 32.

⁴³ Отчетливо это проявляется по отношению к удивленной реплике Б. Л. Пастернака относительно глубокого философского подтекста ФМЛ. См.: Борис Пастернак — Павел Медведев. Письма к П. Медведеву // Литературное наследство. — М., 1983. — С. 709.